

О.И. Федоровская (Спорыхина)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНТЕРТЕКСТ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

Интертекстуальный подход к исследованию художественных текстов, популярный в современном литературоведении, оказывается в применении к творческому наследию П.И. Чайковского наиболее действенным методом, позволяющим приблизиться к пониманию феномена индивидуальности его творчества через призму заимствований (внестилевых и внутрителиевых).

Ключевые слова: П.И. Чайковский, интертекстуальность, текст, заимствование, стиль.

Музыка П. И. Чайковского неизменно привлекает к себе внимание исследователей, вызывая желание приблизиться к разгадке удивительной тайны его творчества, уникального по своей мелодической яркости и по силе эмоционального воздействия на слушателей, но при этом такого «знакового», опирающегося на широко-употребительную музыкальную лексику эпохи, «расхожие» мелодико-гармонические штампы, на популярные для русской и европейской культуры темы и образы. Стремление познать неповторимость столь узнаваемого авторского стиля приводит к поиску новых подходов к его изучению. Интертекстуальный портрет Чайковского предстает более объемным и ярким, так как предоставляет возможность рассмотрения его в творческом диалоге с различными композиторами, в контексте метаязыка и метатекстов эпохи, в плане творческой самобытности.

Прежде чем обратиться непосредственно к теме статьи, представим наше видение явления интертекстуальности.

Несомненно, что ткань любого музыкального произведения обязательно содержит ряд заимствований (осознанных и неосознанных) из уже существующих текстов. Это специфическое для всех видов творчества явление коренится в особенностях художественного мышления, которое базируется, прежде всего, на свойствах человеческой памяти [1] и предопределено масштабами и особенностями ее «багажа». Оно представляет собой процесс обобщения в индивидуальной логической последовательности отложившихся в памяти реальных и художественных впечатлений, подчерпнутых из разнообразных культурных текстов и внетекстовой реальности. В этом смысле каждое произведение имеет реальный прототип или связано с целым комплексом прототекстов в качестве первоосновы. Оно демонстрирует неповторимую комбинацию различных конструктивных элементов из ряда текстов, синтезируя существующие идеи, концепции, сюжетные схемы, структурные модели, что проявляется в разновидностях форм и способов заимствований.

Именно это свойство мышления заставляет вовлекать в орбиту творческого процесса разнообразные тексты. С этой точки зрения, любое музыкальное произведение предстает своеобразной точкой пересечения множества культурных текстов, что позволяет его рассматривать именно как интертекст, то есть в качестве художественной материи, сохраняющей смысловые и стилевые взаимосвязи с множеством явлений культурной действительности.

Концепцию интертекстуальности можно использовать в анализе эстетико-культурного багажа творческой личности, который находится, несомненно, в тесной связи с тезаурусами культурной памяти разных стилевых уровней. То есть, интертекстуальный метод подхода к анализу музыкальных текстов дает ключ к осознанию логики и принципов организации стилевых систем (конкретного музыкального произведения, авторской, национальной, историко-культурной). Более того, рассматривая стиль как семиотический объект [2], и затрагивая знаковую специфику жанра, можно говорить об интертекстуальности и этих немаловажных составляющих компонентов любого музыкального текста.

Интекст (заимствованный элемент из чужого текста) [3] – как компонент интертекста (так мы называем любой реальный художественный текст), выступает как своеобразный эквивалент собственному авторскому слову, высказыванию, концепции. Выбор разновидностей интекста, во многом, предопределен сферой интересов автора, его личностными характеристиками, особенностями творческого мышления, возможностью адекватной передачи

заимствованным материалом конкретного смысла. Таким образом, интекст может являться немаловажным штрихом в создании эмоционально-психологического и интеллектуального портрета автора.

Проблема своего и чужого [4] находит прямое отражение в концепции интертекстуальности. Рассматривая отдельное произведение именно как интертекст, «своим», т.е. индивидуально-авторским можно считать оригинальную логику комбинации заимствованных элементов из других музыкальных произведений, т.е. интекстуальных разновидностей. Заимствование является не только структурным компонентом интертекста, но и его емким семантическим элементом. В свою очередь, интекст затрагивает проблему источников текста музыкального произведения. Проблему весьма обширную, подразумевающую не только их изыскание, опознание, структурное выделение в интертексте, расшифровку смысла и значения в контексте данного произведения, но и выявление принципов структурной организации интекста, его включения в канву авторского замысла.

Подобное понимание интертекстуальности в музыке возникло в результате изучения работ зарубежных семиологов (Р. Барта, Ю. Кристевой, Р. Якобсона и др.). Теоретики структурализма и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида и др.) использовали также идеи отечественных филологов, ученых-семиологов, связанные с разработкой проблематики структуры художественного текста, «своего и чужого» в творчестве, «текста в тексте», культурного диалога (М. Бахтин, Ю. Тынянов, Ю. Лотман, Б. Успенский, ученые Тартусско-московской семиотической школы), что обогатило теорию интертекстуальности и методы структурно-типологических исследований художественного текста. В современных работах культурологов и филологов и искусствоведов (И. Ильина, А. Жолковского, С. Корнева, И. Смирнова, М. Ямпольского и др.) интертекстуальность предстает как неотъемлемая черта постмодернистского искусства, в котором наиболее ярко проявились такие свойства интертекстуального мышления, как ассоциативность, диалогичность, «осколочное мышление», полистилистика, коллаж, интерфейсность и т.п. Однако, интертекстуальность – это свойство не столько постмодернистских текстов, сколько любого художественного текста вообще. Просто в эпоху постмодернизма, когда появляется емкое понятие интертекста, оно приобретает сознательную и более выпуклую форму.

Таким образом, интертекстуальность можно трактовать не только как одну из глобальных категорий, характеризующих специфику культуры второй